

КРОКОДИЛ

R 556/48-

КРОКОДИЛ (бюрократу, бракоделу, очковителю и другим своим постоянным клиентам): — На Первомайский праздник я вас с собой не возьму. Оставайтесь здесь, на страницах моего журнала!

ЗЛОВРЕДНЫЙ МЕСЯЦ МАЙ...

- Я собрал вас, джентльмены, чтоб поговорить о Первом мае. Какие имеются предложения?
- Предлагаю отменить.
- Что отменить?
- И листовки, и забастовки, и прокламации, и демонстрации — всё отменить!
- Правильно! Разве мы мало платим полиции?!
- И разве мы мало платим социал-джентльменам и прочим эс-де?
- Спокойно, господа, спокойно! Я тоже предлагаю отменить. Но я не собираюсь ограничиваться мелочами. Я не занимаюсь розницей. Я оптовый купец!
- Что же вы, мистер, предлагаете?
- Предлагаю отменить весь месяц Май! Целиком и полностью, без остатков. Не нужно, чтоб были разговоры о рабочей солидарности, о поджигателях войны и так далее.
- Выходит, у нас вместо двенадцати будет всего-навсего одиннадцать месяцев? Мало! Не согласен!
- И мы не согласны!
- Мы все теряем прибыли и дивиденды за целый месяц! Не годится!
- Есть другой выход из положения. Переименовать Май!
- Путаница произойдет. Вот уж многие века имеют хождение старые названия месяцев. И вдруг что-то новое. А всего нового надо бояться, как огня.
- Короче! Что же вы предлагаете, сэр?
- Я предлагаю сделать внутренний заём. То есть, переименовать, не одалживая у словаря ни одной буквы.
- То есть?
- Сейчас объясню. В нашей округе, например, есть две солидные фирмы: Джем-старший (сталь) и Джем-младший (носки). Так вот предположим, что мы сделаем два января: Январь-старший и Январь-младший.
- Я принимаю это предложение. Но категорически высказываюсь против кандидатуры Января. Это не наш месяц. Нам нужен

месяц чистый, ни чем не опороченный. Между тем Январь тесно связан с Маем. В Январе Новый год. А это, джентльмены, означает, новый год советской пятилетки. Поняли, каков Январь?

- Вполне согласен с предыдущим оратором. Напомню ещё, что у Января очень подозрительное прошлое. Не следует забывать, джентльмены, об одном факте из его биографии: в январе 1920 года произошло освобождение Сибири от белых генералов и адмиралов. Мне даже страшно вспомнить, сколько я потерял на этой операции.

- Отклонить кандидатуру Января! Отклонить!
- Одновременно, дорогие друзья, предлагаю отклонить и Февраль с Мартом. Эти два месяца тоже замешаны в связях с Маем. Понимаете ли, в Феврале произошла в России февральская революция, которая, как известно, празднуется в Марте.
- Кроме того, в Феврале родился Дарвин!
- А в Марте день Парижской коммуны!
- Не надо! Ни Февраля, ни Марта!
- Перейдём к Апрелью. Чудесный месяц! Весна в полном разгаре. Солнце, птички, ручейки...

- Отклонить!
- Что отклонить?
- И солнце, и птички, и ручейки! Не годится Апрель. Он слишком близок к Маю. Кроме того, в Апреле родился лорд Байрон. Это не наш лорд. Он был за освобождение Греции. Советский агент.

- Добавляю к этому, что и в самое последнее время Апрель играл наруку большевикам. Напомню, джентльмены, что на наших глазах в апреле 1945 года Советская Армия освободила от фашистов Кенигсберг и Вену. Отклонить!

- Удивительное дело, сколько красных месяцев! А ну-ка, давайте пощупаем, чем дышит Июнь.

- Июнь тоже недалеко ушёл от Мая. Кроме того, судя по календарю, в Июне родился Пушкин, поэт, русский гений, великий патриот.

- Короче говоря, советский пропагандист? Не надо!
- Не следует также забывать, что в Июне началась вторая мировая война, окончившаяся победой советского оружия. Начнутся, понимаете, всякие ассоциации, воспоминания, сравнения, разговоры о втором фронте...

- Отклонить Июнь! Убрать!
- Я тоже так думаю. Перейдём прямо к Июлю.
- А я предложил бы перейти прямо к Августу. А на Июль не обращать внимания. В июле 1945 года, понимаете ли, была Берлинская конференция трёх великих держав. И сейчас, понимаете ли...

- Поняли! Поняли! Но давайте не касаться и Августа и перейдём прямо к Сентябрю. В Августе День Воздушного Флота СССР. Не люблю.

- Но Сентябрь тоже не годится. В Сентябре День танкиста. Не сторонник я советских праздников. Идём дальше.

- А куда дальше? Октябрь? Ноябрь?
- Отклонить! В Октябре произошла Октябрьская революция, которая празднуется в Ноябре. Май находится в близком родстве с этими месяцами. Не надо! Не надо!

- Остался Декабрь!
- Ничего не осталось! Не радуйтесь. Декабрь бывает зимой, но и он связан с Маем, с большевистской весной. В Декабре в СССР День Конституции!

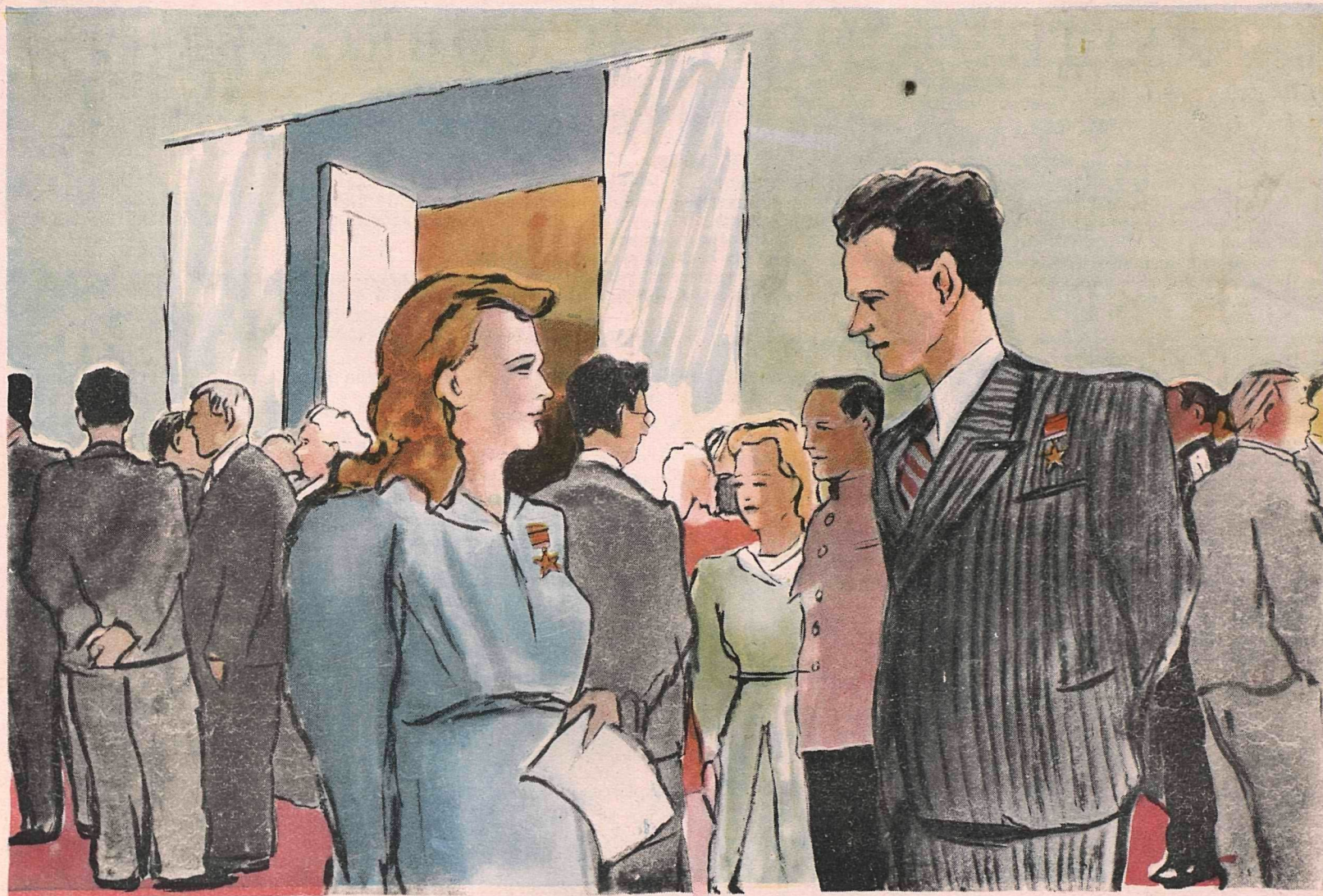
- Как же нам, джентльмены, всё же поступить с Маем? А?..

Г. РЫКЛИН

Календарь КРОКОДИЛА

АПРЕЛЬ

<p>21</p>	<p>Умер (1910) американский сатирик Марк Твен, автор незаконченной повести «Янки при дворе короля Артура». Вторую часть этой повести — «Самурай при дворе янки Мак-Артура» — Твен, к сожалению, написать не успел.</p>	<p>27</p>	<p>Исполняется через семь лет столетие (1855—1955) работы московского телеграфа. Поздравительные телеграммы юбиляру, в интересах современной доставки их, рекомендуется посылать уже теперь.</p>
<p>25</p>	<p>День, когда (1945) фашистские правители Германии почувствовали себя «не в своём кругу». Полное окружение Берлина Советской Армией.</p>	<p>28</p>	<p>Принята на вооружение (1891) русская трёхлинейная винтовка системы С. И. Мосина. Дольше славится хорошим боем (бой за Берлин, например).</p>
<p>26</p>	<p>Умер (1731) английский писатель Даниэль Дефо, автор приключений Робинзона Крузо на необитаемом острове. Приключения эти, как выяснилось в последнее время, закончились передачей острова американцам для организации базы.</p>	<p>30</p>	<p>Отменено затемнение в Москве (1945). Стало ещё видней, что фашистская Германия окончательно разгромлена.</p>

— За что у вас Звезда?
 — На фронте потрудился. А у вас за что?
 — За урожаем повоевала.

Сергей СМИРНОВ

Н а т а ш е

Ах, Наташа, Наташа,
 Ещё не вчера ли
 Подходящее имя
 Тебе выбирали,
 С необычными справками
 Шли в учрежденья,
 Чтоб скорее твоё
 Узаконить рожденье!

Сколько званий
 Присвоила ты домочадцам!
 Молодой человек
 Стал отцом называться,
 А отец молодого
 Того человека
 Сразу в деды шагнул,
 Не прожив и полвека.

Стала бабушкой мама,
 А дочь её — мамой,
 Стал двоюродным братом
 Мальчишка упрямый.
 Ты пришла
 в относительно
 мирное время.
 Подрастай, егоза,
 Да знакомься со всеми!

Возникает вопрос
 Твоего воспитанья,
 Выступает на сцену
 Проблема питанья,
 Есть кроватка,
 Подумать пора о коляске.
 Ты смеёшься
 И строишь родителям глазки.

...Если в детстве с тобой
 Ничего не случится,
 Ты, во-первых, должна
 На «отлично» учиться,
 Во-вторых, не играть
 На родительских нервах,
 В-третьих...
 Ладно... Пожалуйста,
 Помни — во-первых!..

Не заметишь, Наташа,
 Как станешь невестой.
 Но попрежнему к знаниям
 Любовь свою пестуй,
 Ибо знания,
 Согласно теперешним данным,
 Для невесты являются
 Лучшим приданым!

Понимаешь,
 отец не имеет
 в излишке
 Ни добра в сундуке,
 Ни рублей на сберкнижке.
 Но державу
 на тысячи вёрст
 протяженьем
 Он считает своим
 Основным сбереженьем!

Распростёрлась она,
 Себе равных не зная,
 От Курильской гряды
 До холмов на Дунае.
 Развернулась под солнцем
 И в дыме-тумане
 От Гольфштрема
 До синих ущелий Тянь-Шаня.

Ты получишь её,
 Как хозяйство хозяйка,
 Как безбрежную даль
 Окрылённая чайка.
 И живи на здоровье
 Просторно и ярко,
 Если будешь достойна
 Такого подарка!

ЛЮДИ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

АВТОКЛАВ

ВЕЛАС крепко обругал главного хирурга Семёна Марковича. Серьёзный, вдумчивый врач, уже около года работавший в отряде, пришёл в штаб просить защиты от взбунтовавшегося подчинённого.

— Управы на него нет. Совсем взбесился старый чорт.
— Да в чём дело? — спросил врача Базыма.
— Приказ ваш был?
— Ну, был...
— А тяжести, грузы?
— Это как сами считаете.
— Вот я и считаю. Надо раненых спасать, а у нас аптека, и медикаменты, да перевязочные материалы на трёх тяжёлых возах еле вмещаются.

Базыма понял: главврач просит надбавки.
— Приказ — и точка! Никаких! Сколько у тебя там? Кроме тех, что для раненых.

— Две арбы.
— Ничего не прибавлю.
— Да я и не прошу. Стал я сортировать всю аптеку. Не могу же я препараты бросить. Сульфидин, стрептоцид... Да и не столько там веса. Индивидуальные пакеты — тоже. Вот и набралось.

— И сколько получилось?
— Ровно две арбы. Полные доверху. Но если упаковать хорошо, вмещается. С трудом, но...

— Ну, так в чём же дело?
— Да опять же с Веласом.
— Да что он, отказывается везти?

Комиссар, слушавший разговор, сказал:
— А ведь верно. Трудно старику по горам. Можно назначить ездовых помоложе.

— Да нет, наоборот.
— Что такое? В чём же у вас главная трудность?

— Автоклав...
— Не понимаю.

Я давно замечал пристрастие Веласа к странному предмету, похожему на огромный стационарный самовар, какие мне приходилось видеть лишь в Жмеринке и в Одессе. Звалась эта машина «автоклав». Предназначенный для стерилизации инструментов и бинтов в стационарном госпитале, он был невозможно громоздок и неудобен для перевозки. Но другого у нас не было.

Ещё первый партизанский врач Дина маевская каким-то образом сумела убедить старика в том, что от этой громоздкой и несуразной вещи зависит чуть ли не существование отряда. И если бы не эта удивительная забота Веласа, уже давно нашли бы подобную же вещь поменьше. Но он уже два года возил её безропотно, больше того, самоотверженно и довёз в Карпатские горы. Я не раз видел под обстрелом на переездах старика, прикрывавшего собственным телом огромный автоклав.

Ездовые посмеивались над Веласом, затем бросили. Упорство в выполнении своего долга, даже если он самый маленький, всегда вызывает у людей в конце концов уважение. Люди видели: немцы могут убить любого из нас, могут растрепать отряд, могут бомбить, обстреливать, покрывать миномётным огнём, но пока жив Велас, автоклав будет цел и невредим. И к началу работы полевого хирурга автоклав будет весело шипеть, выпускать парок, блестять надраенными боками, в которых отражается сияющая лохматая стариковская рожа Веласа.

И вот сейчас, когда сам главный врач Семён Маркович приказал оставить автоклав, Велас не мог найти в себе силы выбросить свою мечту. На повторный приказ ответил руганью; назвал врача «вредителем», а когда тот прикоснулся к заветной вещи, набросился на него с кулаками. Вызванный на глаза командования, Велас молчал, сопел, поглядывая исподлобья:

— Вредитель он. И враг народный. Всё. Точка.
— Вот видите!

Командиры, знавшие Веласа, вначале улыбались. Ковпак спросил шутя:

— Що, вожжа под хвост попала?
Велас пропустил замечание это мимо ушей.
— Снимем с санчасти, старик! — серьёзно пригрозил Базыма.
— Не имеете никакого права! Я ещё с самого сорок первого в ней состою. Есть хотя какой за мной замечания? Ага! Нет?.. Как же ты снимать меня будешь? За что?
— Почему не подчиняешься?
— Потому — вредительский приказ!
— Ладно, ступай! Ступай! Я шо сказал? — крикнул Ковпак.

Велас, пожав плечами, медленно, как бы делая одолжение, отошёл шагов двадцать и остановился, поглядывая на штаб.

— Занимайтесь своим делом, — обратился к Семёну Марковичу комиссар.

— Так он опять...
— Застрелю... Ты шо думаешь? — выглянул из-за сосны, как расшалившийся мальчишка, старикан.

— Арестовать! — кивнул дежурному на Веласа Ковпак.
Велас, довольный, сам подошёл к Ковпаку.

— Арестуешь? Это можно.
Все заулыбались. Чужачества Веласа всё же иногда скрашивали скуку обыденной жизни.
Семён Маркович ушёл.

* * *

Сидя под арестом, Велас жаловался часовому:
— Була б Динка, — мы б этого в жизнь не допустили. Срамота! Отряд — и без автоклавы.

— Да на чорта он вам сдался? Раз приказывают...
— Эх, ты... Зелено-белено... Приказывают!.. А кто? Кому? Веласу? Мы ещё первую медицину в отряде открывали.

Но здесь, на Карпатах, уже не было Дины. Она надломилась здоровьем на непосильной работе, свалилась в тифу и была эвакуирована с Князь-озера...

Да, это была человеческая трагедия. Маленькая, смешная, но настоящая трагедия.

Человек простой, не мог же он верить в то, чтоб порошочки да вонючая водичка могли спасти жизни людей. А вот эта машина — другое дело.

Идея — руль человеческой жизни. Не может человек жить без руля. У одного она достигает размаха государственного значения, у другого — это забота о делах своего отряда, а у третьего — автоклав.

И, видно, не мог Велас пойти на самое трудное в жизни — потерять идею.

Мне стало очень жаль старика.

Правда, теперь, в 1943 году, уже более полутысячка врачей было в отряде. Семён Маркович — специалист-хирург — знал своё дело и, видимо, мог обойтись без этого автоклава. В каждом батальоне были свои врачи и свои приспособления, инструменты, медикаменты.

Но что же делать с Веласом?

— Надо же как-то их примирить, — сказал я комиссару.

— От я зараз их помирю, — сказал Ковпак, — пошли, Велас! У Веласа блеснули надеждой глаза, и с удивительной прытью он пустился на гору.

— Показывай свою медицину! — сказал Ковпак в санчасти.
Велас взял на руки автоклав.

— Несы сюда! — Ковпак показал место на краю обрыва.
К ним подошли медсёстры Дуся, Галя Борисенко.

— Нужен для медицины цей самувар? — спросил Ковпак дежурчат.

— Конечно... Как в степях — то чего же... Нужен, конечно...

— А в горах обойтись можно?

— Можно, конечно.

— Семён Маркович, можно обойтись?

— Я сказал уже. Можно. Заменим кастрюлей, ведром...

— Ну, глядите...

И Ковпак сразмаху ударил ногой по чану. Он перекатился, загудел и с грохотом полетел по скалам, в обрыв.

— Что, опять бомбят? — затревожились раненые.

— Лежите, лежите, хлопцы, — успокоил их, уходя, мимоходом, Ковпак.

А над пропастью стоял старый Велас, и на глазах его блестели слёзы. Он повернулся и погрозил вслед Ковпаку:

— Тоже... Так и сказал бы. Раз нельзя лишних коней, так и сказал бы. Можно было б на плечах, пока по силе возможности. А то — сразу... Думает, как генерал, так и уже можно фыр-фыр.

Как жеребчик, ногами брыкаться... От стрельнёт немец тебя генерала, тогда узнаешь, как без антих... анти... септички... будешь, знать тогда, шо есть партизанская медицина... Як червыи заведутся... тогда не дуже забрыкаешь...

Велас долго заглядывал в пропасть, где ещё погромыхивала по камням его мечта.

В НОЧНОМ ТРАМВАЕ

НЕ БЫЛО ничего удивительного в том, что по случаю Первого мая я дольше обычного засиделся у своих друзей и возвращался домой с последним трамваем. Я догнал отправляющийся вагон и сходу вскочил в него. Стоящий на углу милиционер — единственный свидетель моего преступления — весело подмигнул мне и крикнул:

— Не штрафую только по случаю праздника!

В вагоне ехали всего двое: я и кондукторша — уже пожилая женщина. Лицо кондукторши показалось мне знакомым.

— Где-то я вас видел, — сказал я.

— Я даже знаю где, — ответила кондукторша.

— Где?

— В трамвае.

Мы оба рассмеялись. Конечно же, в трамвае. И сколько лет под ряд происходили наши мимолётные встречи!

Мы разговорились.

— Надоели, наверно, вам мы, пассажиры, — сказал я.

— Не скажу. Конечно, попадают пассажиры, которым трамвай, как говорится, вреден, но всё ведь меняется, меняются и трамвайные пассажиры. Я вот с девятнадцати лет на четвёртом номере езжу... все эти перемены собственными глазами наблюдаю. Трамвай это, я считаю, есть учебное заведение, в котором пассажир сдаёт экзамен на свою культуру. Я знаю, многие девушки, прежде чем выйти замуж, ведут своего жениха в трамвай, чтобы лучше познакомиться с его характером. Если человек хорошо себя в вагоне ведёт, значит его в любой дом ввести можно, не краснея. И раньше, если взять десять — пятнадцать лет назад, мало кто эту проверку трамваем выдерживал, а нынче, я бы сказала, очень отрадная картина получается.

И мы, кондуктора, тоже кое-чего поняли. Раньше, бывало, так на пассажиров орал, что и не поймёшь, кто кого везёт — кондуктор пассажиров или пассажиры кондуктора. Сейчас это дело прояснилось.

А главное — людей мы видим со своего места и видим, до чего люди выросли.

Девушка одна со мной ездит. Давно уже. Сперва она меня спрашивала: «Тётяшка, где вылазить во Дворец пионеров?» Потом раз спрашивает: «Товарищ кондуктор, не знаете, где сойти в Куйбышевский райком комсомола?» А теперь у райкома партии сходит.

Молодой человек один был. Сколько он мне крови испортил! Всё норовил, бывало, с передней площадки войти. Сколько я ему раз доказывала, что надо правила соблюдать! А вчера гляжу: он опять объявился, опять с передней заходит и книжку мне протягивает — «Герой Советского Союза». Добился-таки!

А мой вагон? Вот вы в нём ездите, а пригляделись вы к нему когда-нибудь? А видели вы на стенках у него следы от минных осколков? Он у меня семь раз ранен был. Три тяжёлых и четыре лёгких ранения. В войну он тринадцатым номером ходил — от Греческого до улицы Стачек. А на улице Стачек доты и дзоты наши стояли. Там передовая была. В моём в этом вагоне бойцы и команлиры на фронт ездили. Помните?

— Кондуктор! Вагон на фронт идёт?

— Садитесь, подвезу.

— Товарищи, пройдите вперёд, дайте противотанковое ружьё поставить...

— Граждане, уступите место женщине с пулемётом.

— Куда, куда вы, товарищ сапёр? С минами с передней площадки.

— Московско-Нарвский дом культуры

имени Горького! Следующая остановка — фронт!

— Гражданин, привстаньте немножко, вы на мину сели.

Какие были дни! Какие ночи!.. А какое горе было, когда остановилось трамвайное движение... Когда мой вагон стоял, занесённый снегом на Суворовском проспекте... Тяжко было. «Юнкерсы» бомбили город, а я нет-нет да и приду на свой вагон поглядеть: как он там? И вдруг пятнадцатого апреля вызывают меня в парк. Прихожу, гляжу: мой вагон. Вошла я в него, дёрнула за верёвку — звонит! И будто в сердце у меня этот звонок.

Переменили мне мой тринадцатый номер обратно на четвёртый — и поехала. Какой это был праздник! Да вы помните. Ленинградцы никогда этого не забудут. В вагон входили, как в музей «Эрмитаж». И

когда кого-нибудь в вагоне толкали, он улыбался. «Как в мирное время», — говорил. «Это вы мне на ногу наступили? Большое спасибо. Я вспомнил хорошие дни...» А сейчас? Вы посмотрите, что за люди в трамваях сейчас! Ведь это ж они, мои пассажиры, город восстановили, они, пассажиры мои, такие дела творят, что в газетах о них пишут.

Послушайте, а вам где выходить? Мы ведь уже в парк приехали... Дальше вагон не пойдёт.

Я крепко пожал кондукторше руку и пошёл пешком домой. Я шёл и думал о словах кондукторши и о её пассажирах, и мне вспомнилась знакомая фраза, которую она так часто произносит в своём вагоне:

— Товарищи, проходите вперёд!

Ленинград.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

По почерку легче определить характер пера, чем характер того, кто им писал.

Если человек не может найти себя, адресный стол ему не поможет.

Не всякий живущий припеваючи — певец.

Из одного и того же яйца нельзя получить и яичницу и цыплёнка

От тупой самобрейки ни на волос пользы.

Окололитературное сопрано.

Мозоли на руках бывают не только у работающих, но и у аплодирующих им.

Шум, вызываемый молнией, оправдывается её блеском.

М. ЯКОВЛЕВ

ТЕНЕВАЯ СТОРОНА БЛАГОУСТРОЙСТВА

Рис. Б. ПРОРОКОВА

— Посидим в тени! Согласно отчёту райсовета, на этом месте разбит парк.

МЕЖДУНА ПИК

Весна, как говорится, вступила в свои права. На Западе уже распустились цветы (и ещё кое-кто). Государственных мужей (и детей их) потянуло на травку (произрастающую на чужой территории).

Тёплый ветерок волнует море. Мсье Мок (крайний слева на рисунке и крайний правый в политике), естественно, не может допустить никаких волнений. «Море волнуется? Усмирить его!» Правее мсье Мока (если можно быть правее его!) расположился мистер Херст, катающий легковых американских читателей на «подводных утках».

Во Франции в этом году хорошо растут цветы и цены. Последние, прямо сказать, подняты капиталистами на недосягаемую для среднего француза высоту. Цветы более доступны, хотя некоторые из них и не лишены шипов.

Мсье Блюм (под капиталистом) понапрасну исколот себе руки, пытаясь вырвать с корнем красный цветок.

Чуть омрачённое тучкой надвигающегося кризиса солнце доллара светит во всю наличность. Некоторые уже загорели на этом долларопёке, а кое-кто даже и прогорел.

В конце рисунка (верхняя его часть) и в начале своего романа — любящая парочка. Полного согласия между ними иногда нет, но, как говорится, «смилые бранятся, только тешатся». Они сидят под деревом, на котором рядом с пронзёнными стрелой любви двумя сердцами вырезаны инициалы счастливых. Кто они, эти скромно скрывшиеся за инициалами «Л» и «К»? Нехорошо выдавать чужие секреты, но, так и быть, выдадим: это лейборист и консерватор.

АРОДНЫЙ НИК

Египет вы, конечно, сразу узнали на рисунке, — если не по пирамидам, то по расположившемуся между ними джентльмену. Этот джентльмен проводит уже не первое лето в Египте!

Столб с «гигантскими шагами» — это «столп» французской реакции де Голль, вокруг которого вертятся всякие реакционные старцы и фашиствующие молодчики.

Рядом гонится за шестнадцать западноевропейскими бабочками дядя Сам. Некоторые из них уже наколоты на булавки. Дальше — группа любителей танцевать под чужую музыку. «Бостон» и «Чарльстон» уже не в моде, — они танцуют под музыку Фултона и т. п.

В нижней части рисунка расположился некий заокеанский интурист. Чувствуя себя везу, как дома, он уверенно пускает свои кораблики по чу-

жому морю. Как гласит заокеанская поговорка: «Море чужое, корабль свой — развезжай, не стой!» Тут же ловят рыбу в мутной воде многочисленные любители этого вида спорта.

По соседству с государственными мужами развлекаются и «государственные дети». Черчилль-сын играет в Черчилля-папу, маленький Мосли играет в Гитлера, а рядом какой-то малыш страдает от неблагоустройства детской площадки: ему хочется на трон, а трона-то и нет. Дальше — добрые няни катают в коляске недавно родившегося трёхголового младенца.

У киоска с восточными сладостями большое оживление. Здесь торгуют не только восточными сладостями, но и такими горячительными напитками, как нефть и бензин!..

ВЕСНА В РИГЕ

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, что сейчас апрель 1938 года и что вы живёте в Риге, в доме по улице Тербатос. Время — 8 часов утра, и вам принесли свежую газету. Какие события произошли в Риге? Вот заголовок, напечатанный самыми крупными буквами:

«Убит крупный гангстер!!! Из Парижа сообщают, что в Англии найден труп, при котором находились документы канадского француза Олара. Установлено, что под этой фамилией скрывается крупный гангстер Макс Гешель из Риги...»

Оглушив читателя убийством, газета переходит к текущим делам:

«Сегодня исполнилось 20 лет сыскной деятельности Николая Дравнека, владельца частного детективного бюро».

Под заметкой портрет юбиляра. Мужчина во фраке. В петлице белый цветочек. Пробор.

ОСТОРОЖНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Нравится тебе, как поёт этот соловей?
— До тех пор, пока не узнаю, кто автор мелодии, я ничего не могу сказать.

«Сбежал прокурор банка Латвии Пётр Лерхе, присвоивший 100 тысяч лат».

И опять портрет героя дня. Опять мужчина во фраке. В петлице белый цветочек. Пробор.

А вот большая статья под интригующим заголовком: «Даёт ли красота счастье? О красивом мужчине и его жизненном уделе». Не менее интересен и текст:

«Красоте женщины посвящают бесчисленные романы и романы. Красивый мужчина никогда не бывает любимцем поэзии. Когда красивый мужчина прогуливается по бульвару, им любуются только скульпторы и молодые продавщицы. Красивый мужчина очень эффектен во время танго, он декоративен во время прогулки...»

Рядом с этим красивым мужчиной объявления:

«Грандиозный фильм сезона «Отзвуки прошлого». Глубокий, захватывающий роман. Ревность. Интриги. Шантаж».

«Нужны дамы для танцев. Костюмы бесплатно. Являться по адресу: Кр. Барона, д. 63, кв. 1».

«Для приезжих мужчин все удовольствия».

И уже совсем на газетных задворках, после объявлений, помещена беседа с директором департамента защиты труда г-ном Фридрихом Розе. Не будем перепечатывать всю беседу, приведём только последние строчки:

«Наличие безработных, зарегистрированных на бирже труда, несколько больше, чем в прошлом году. Чтобы убедиться в этом, нет надобности рыться в каких-то цифрах, достаточно заглянуть хотя бы на рижскую биржу труда».

БРУНО ДЕМБОВСКИЙ СКОНФУЖЕН

И мы пошли на биржу труда. Предварительно мы сложили старые газеты и вернулись в 1948 год. Сейчас в здании бывшей рижской биржи труда помещается рижское Нахимовское училище. Дежурный по училищу капитан III ранга Тимошенко водил нас по длинным коридорам, и казалось, им не будет конца.

— Большое у вас здание.

— Да, не маленькая была биржа...

Потом нас познакомили с воспитателем училища Бруно Дембовским. Будущему мореходу 12 лет. Он чётко, как подобает военному, отвечает на все вопросы и делится своими планами на ближайшее будущее:

— Собираемся в Москву на парад.

— Что было в этом доме раньше?

— Говорят, что была биржа труда.

— А что такое биржа труда?

Бруно смущён. Он не по уставу озирается по сторонам, ища поддержки:

— Биржа труда — это... это... такое место, где... Нет, не знаю.

ЧТО ТАКОЕ «ВЭФ»?

О «ВЭФ'е» мы услышали ещё в вагоне, только что отъехав от Москвы. В соседнем купе спорили два мужских голоса:

— Слышали, какую штучку на «ВЭФ'е» сотворили? 19 тысяч одних реле...

— Многовато.

— Ничего не многовато. Одних только штепселей пять тысяч штук.

— Ну, батенька, этого не может быть.

Уже в Риге, на улице, мы услышали, как две хорошеньких девушки вели деловой разговор:

— Только на обмотку ушло 15 тысяч километров провода.

— Не может быть!

— Я точно знаю. Об этом у нас на «ВЭФ'е» все говорят.

В театре во время антракта мы услышали:

— Когда её повезут в Москву, потребуется 25 вагонов.

— Не может быть!

— На «ВЭФ'е» всё уже подсчитали.

В трамвае шёл спор:

— А всего в ней разных деталей около двух миллионов.

— Ну, это басня.

— Чистая правда. У нас на «ВЭФ'е»...

Согласитесь сами, как после этого не побывать на «ВЭФ'е», не узнать, о чём так горячо говорят рижане.

На «ВЭФ'е» нам объяснили, что всё слышанное нами относится к междугородней телефонной станции, которую недавно закончили на «ВЭФ'е» и собираются отправить в Москву. Это будет самая крупная станция в Европе — на 320 связей. Действительно, в ней около 2 миллионов деталей и повезут её в 25 вагонах.

— Хорошая будет станция?

— А у нас всё хорошее: радиоприёмники, репродукторы, телефонные аппараты. Наша марка «ВЭФ» — неплохая марка.

— А что такое «ВЭФ»?

— Валтс электротехническая фабрика. «Валтс» — по-латышски «государственная». Вот и получается — Государственная электротехническая фабрика.

КАК ОБМАНУЛИ АРНОЛЬДА ДЕГЛАВА

Председатель городского совета Арнольд Деглав с удовольствием рассказывает о том, как в бывших корпусах завода «Проводник», пустовавших последние 25 лет, разместился и начал уже выпускать продукцию новый электроарматурный завод.

С немалым удовольствием он рассказывает о том, как переехали Америку мастера-фуркисты стекольного завода «Саркандаугава», научившиеся получать в час 120 метров стекла вместо 60.

Тов. Деглав рассказывает о том, как исчезают постепенно следы войны, стираются тяжёлые раны, нанесённые немцами его родному городу.

Он рассказал нам и о том, как обманули рижане свой городской совет:

— Задумали мы провести воскресник по уборке города. Рассчитали, что выйдет работать 50 тысяч человек. Городские организации должны были прислать 500 автомашин. Подготовили участки, наметили, что делать. Но рижане обманули свой городской совет: на воскресник вышли 150 тысяч человек и 800 машин.

* * *

Сейчас апрель 1948 года. Представьте, что вы живёте в Риге, на улице Тербатос. Утро. Вам принесли свежие газеты «Советская Латвия» на русском языке, «Циня» — на латышском и другие газеты. Какие события произошли в республике? Тракторы вышли на поля. Новое снижение цен. Расширяется площадь садов. Новый завод в Риге. Токарь «ВЭФ» Николай Сотин выполнил задание на 1200 процентов. Началась подготовка к Празднику песни. Предпраздничная ярмарка в Риге. Обувь сверх плана. Подготовка к выпуску чёрного рижского бальзама.

Просмотрим объявления. «Требуются плотники, требуются слесари, токари». «Открыт набор курсантов». А вот театральные объявления. В театре Оперы и балета идёт «Травиата», в Художественном — «Огонь и ночь», в Русском — «Лес», в Театре драмы — «Таланты и поклонники». Вот ещё объявления Театра юного зрителя, Театра кукол, Театра оперетты, филармонии, объявления 20 кинотеатров и цирка.

И всё-таки обо всём газету не расскажут. Жизнь гораздо ярче. Скорее выйдем на улицу. Прошёл первый тёплый весенний дождь, распускаются почки на деревьях. Хороша Рига весной!

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Рига.

Расул ГАМЗАТОВ

Просто так ничего не бывает

Ночь темна. Над аулом туман,
Но крадётсЯ домой Сулейман.
Где-то мысли его вдалеке,
А ворота давно на замке.

А наутро по комнатам бас:
«Где ты шлялся опять,
Лоботряс?!»
«Просто так я вчера
опоздал»,—
Неуверенно сын отвечал...

Кто ж поверит ему,
Кто ж не знает:
Просто так ничего не бывает.
Без причины совсем неумно
Не в калитку входить, а в окно.

А соседская дочка Айшат
Наряжается в новый наряд,
И в ауле соседи о том
Что-то шепчут друг другу
кругом.
И спросила у дочери мать:
«Что всё это должно означать?»
Отвечает Айшат:
«Разве жаль,
Просто так надевала я шаль».

Кто ж поверит ей,
Кто ж не знает:
Просто так ничего не бывает.
Просто так всю неделю под ряд
Наряжаться б не стала Айшат.
Молодая луна на беду
Озарила тропинки в саду,

А в саду Сулейман средь
ветвей
Обнимался с подругой своей.

Но характер у сторожа крут:
«Говорите, что надо вам тут?»
«Просто так мы зашли в этот
сад»,—
Говорят Сулейман и Айшат.

Кто ж поверит им,
Кто же не знает:
Просто так ничего не бывает.
Просто так для чего, как ворам,
По чужим хорониться садам.

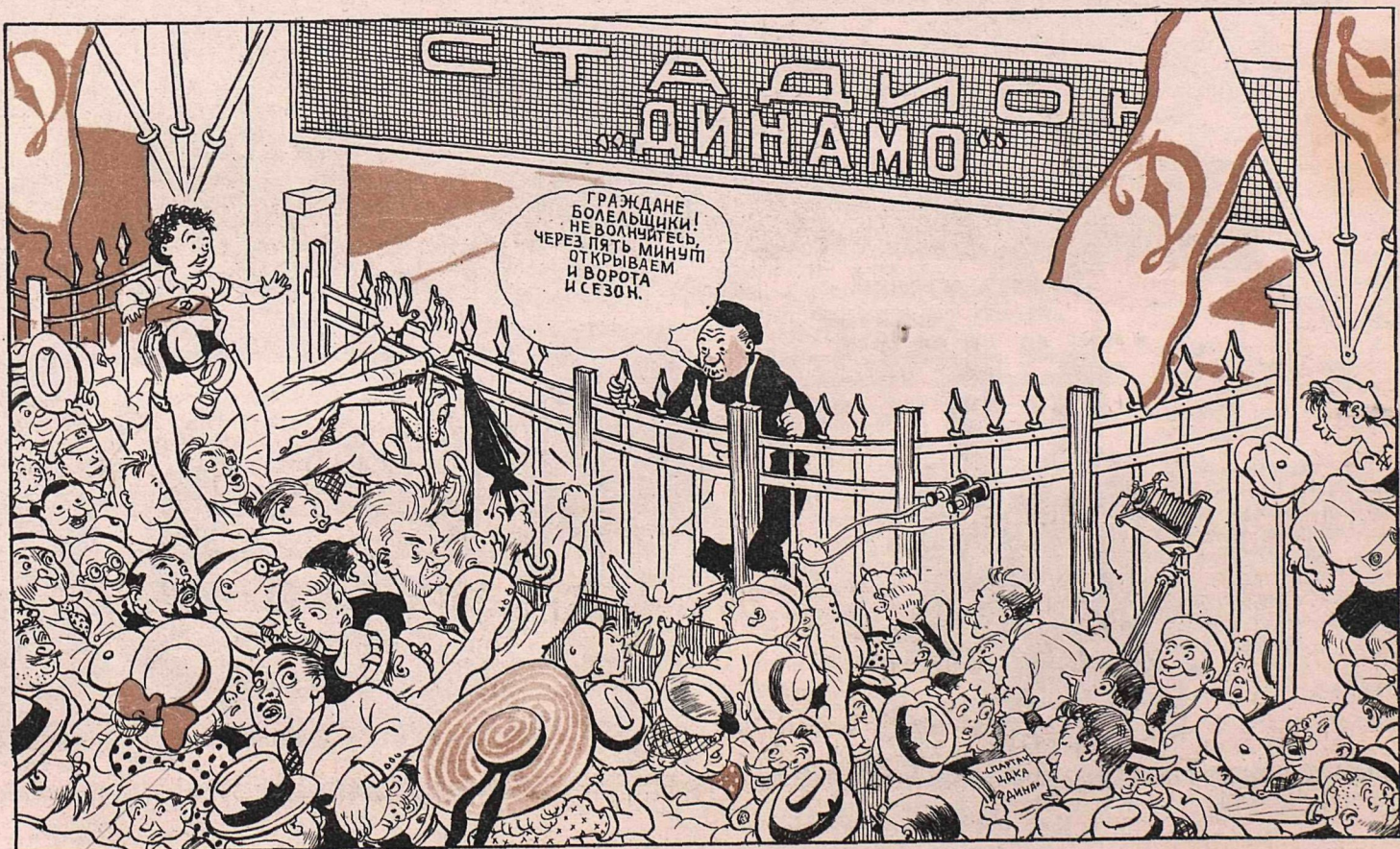
А в один из безоблачных дней
Созывали весёлых гостей,
Где-то бубна послышался звон,
С женихом прогремел фэтон.
Для соседних аулов задача:
«Как понять это?
Что это значит?»
Посылали с вопросом,
А там —
«Просто так»,—отвечали гонцам.

Кто ж поверит им,
Кто же не знает:
Просто так ничего не бывает.
Ни с того, ни с сего сам
собой,
Не затеется праздник такой.

Перевод с аварского
Н. ГРЕВНЕВА,
Я. КОЗЛОВСКОГО

ПЕРВЫЙ УДАР ПО ВОРОТАМ «ДИНАМО»

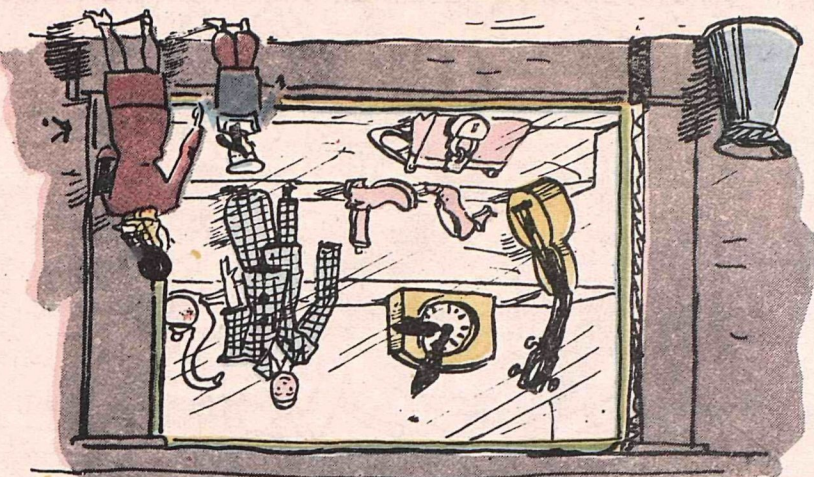
Рис. И. СЕМЕНОВА

— Скорей отоприте!.. Всю зиму ждали!..

(Охотника на такую продукцию не найдёте!)

Где охотник?

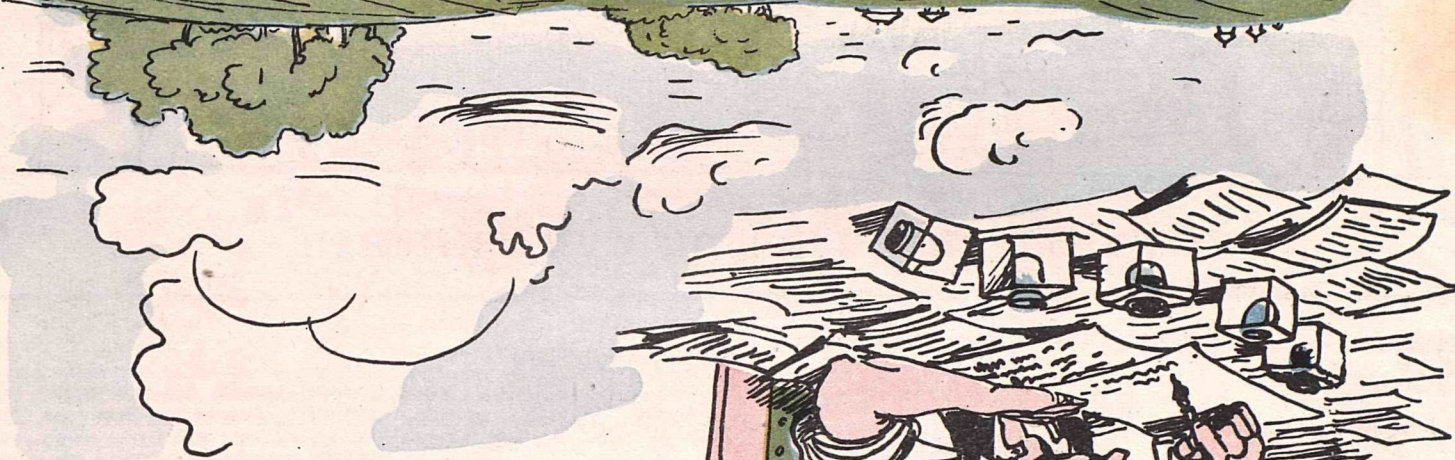

(Догадываетесь сами.)
Кто кого поведёт?

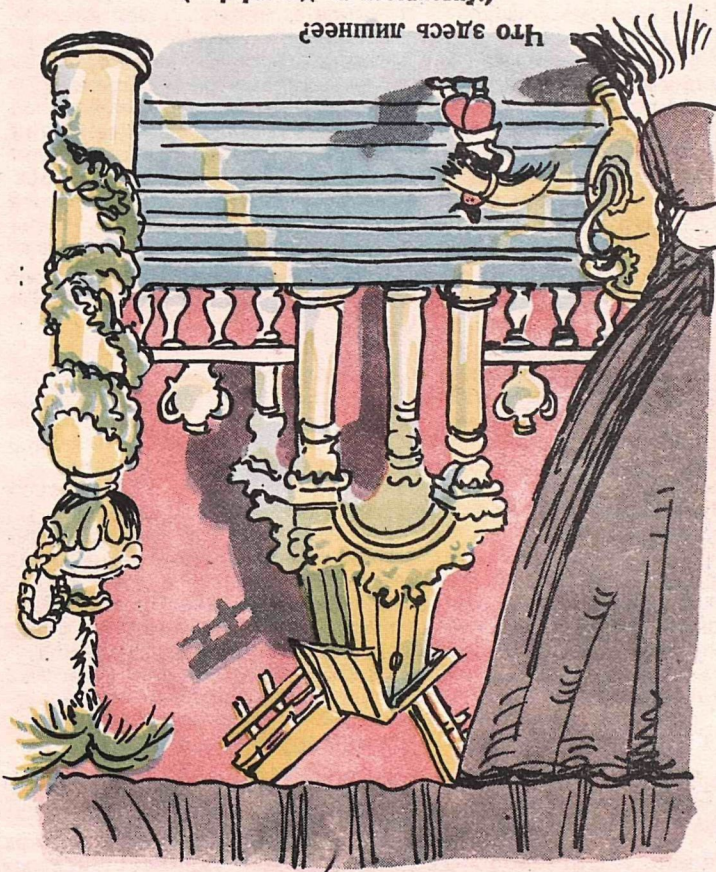
(Здесь его нет. Он сидит в канцелярии.)

Где здесь агроном?

(Перерасход на постановку.)

Что здесь лишнее?

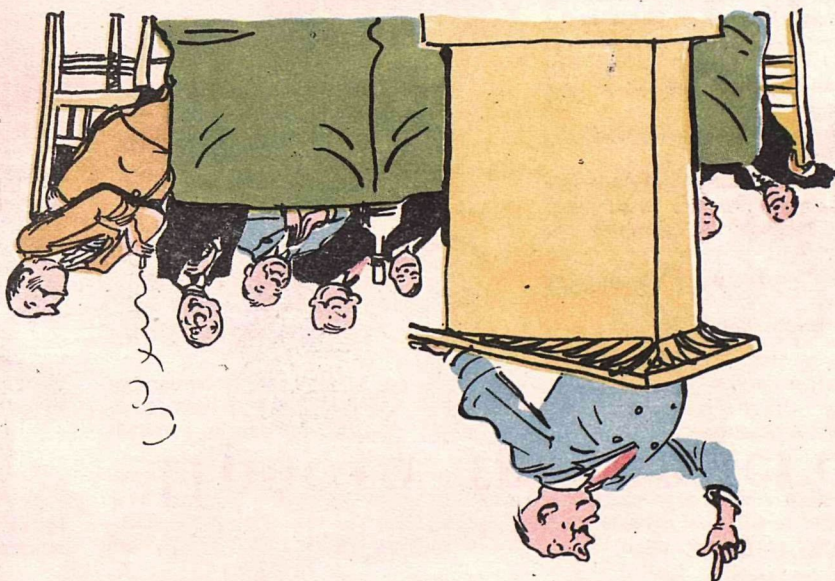

(Всё, что пишет этот командированный в своём отчёте.)

Что здесь неравильно?

(Самокритики.)

Что здесь нехватает?

КОГДА редакция поручила нам написать очерк о том, как происходит в Москве матч-турнир на звание чемпиона мира по шахматам, то прежде всего мы в горячей и длительной беседе между собой пытались установить: на кого должен быть рассчитан наш будущий очерк? Писать ли его для знатоков шахматного дела или для профанов? Конечно, шахматистов у нас очень много. Больше, чем где бы то ни было в мире. Но, с другой стороны, людей, которые не очень разбираются в шахматах, всё-таки больше. Гораздо больше. И мы решили, что писать мы будем не для шахматистов, а для широкой публики. Тем более что сами мы в этой игре разбираемся, говоря шахматным языком, e2-e2 (едва-едва).

И ещё одно примечание: направляясь в Дом союзов, мы говорили друг другу:

— Только никаких банальностей при описании публики. Никаких этих подростков в очках с горящими фанатическим огнём глазами.

— Да, да! И никаких трогательных старичков-любителей, которые проигрывали Ботвиннику ещё в те времена, когда гроссмейстер носил короткие штанишки и пионерский галстук!..

И вот мы у входа в Дом союзов. Турнир начался с час тому назад. Но сонмы подростков в очках с горящими фанатическим огнём глазами атакуют контролёра и миллионеров и рвутся в зал.

Старичок, с жёлтыми усами, в очках со стёклами толщиной в кирпич и в древнем пальто с бархатным воротничком, невнятно просит контролёра пропустить его в зал без билета.

Он, видите ли, уже шестьдесят лет играет в шахматы, а самому ему — восемьдесят. Он играл с са-

мом Ботвинником в 1924 году в клубе Наркомфина. Ботвинник был ещё совсем мальчиком, и тем не менее весь Наркомфин ему проигрывал.

Контролёра резонно говорит:

— Гражданин, если мы всех, кто Ботвиннику проигрывал, будем пускать без билета, — у нас зала нехватит. Вот если бы вы у него выиграли!..

— Попробуйте у него выиграть! — вздыхает старичок.

Переглянувшись, мы молчаливо решили пустить старичка... в наш очерк!..

И вот мы в Колонном зале. Эстрада, на которой происходит мировой шахматный поединок, выглядит весьма импозантно. На бархатном занавесе, который опущен в конце эстрады, очень высоко утверждён герб турнира: двухметровый щит, в центре которого нарисована очень красивая тура — она же ладья, она же башня — в окружении пяти флагов. Три флага наши, советские, и два не наши: голландский и американский — в честь гроссмейстеров Эйве и Решевского.

А сами гроссмейстеры сидят за обыкновенными шахматными столиками. На этот раз Решевский играет со Смысловым, а Керес — с Эйве.

Главный судья турнира югославский гроссмейстер Видмар, маленький толстенький человек, тихо ходит мимо столиков. Ни дать, ни взять — учитель, который дал своему классу решать трудную задачу и теперь боится помешать мальчикам громкими шагами, но и отойти не может: как бы ребята не списывали друг у друга!

В сущности, это очень страшное зрелище — шахматный турнир. Сотни зрителей, затан дыхание, сидят и смотрят, как четыре человека публично думают на эстраде. Однако это зрелище может показаться странным только тому, кто с трудом отличает шахматного коня от обыкновенного, извозчичьего.

В зале же сидят знатоки, любители, мастера. Напряжённая, молитвенная тишина. Четвёрка думает на эстраде, а сотни — в зале.

Вон у симпатичного добродушного Эйве уши явно стали розоветь. А мы из сообщения гроссмейстера Сало Флора знаем, что когда у знаменитого голландца начинают краснеть уши, — значит, дела его на доске худые.

Но мы судим только по ушам, а зрители — по демонстрационной доске. Эйве делает ход, и по залу волной пронесётся шопот:

— Это ему уже не поможет!

У Решевского уши не краснеют, но дела у него тоже неважные. Американец сидит и неотрывно

— Газета совершенно права: я тоже стою за то, чтобы уступать место женщине!

— Извините, стою я, а вы сидите!

смотрит на доску. И призрак цейтнота уже бродит по эстраде.

Впрочем, там бродит не только призрак цейтнота. Керес и Смыслов, сделав ход, встают и журавлиными шагами меряют это, поистине, лобное место. Говорят, что это хороший признак. Тот, кто проигрывает, обычно сидит, как приклеенный, на стуле и скорбным взглядом смотрит на проклятую пешку (или слона или ладью), которая просочилась в крепость из слоновой кости.

Нам очень понравились шахматные болельщики. Понравились их вежливость, серьёзность и выдержка. Это не футбольная публика. Здесь никто не кричит ипроку, впадшему в цейтнот:

— Ну, давай, давай, заходи, держи его!.. Куда пошёл? Эх, мазила!.. Съели у тебя слона!..

И неутомимым фоторепортёрам тоже плоховато приходится на шахматном турнире.

Их выпускают по одному, чтобы они не мешали игрокам. А им, наверное, хочется выбежать всем сразу, весёлой гурьбой, как на футбольное поле, рассыпаться

вокруг столов, подпрыгивать, опускаться на одно колено и щёлкать своими аппаратами, иногда вжимая голову в плечи, чтобы не задел пролетающий мяч.

Нас подавляет тот факт, что в шахматах надо предвидеть обстановку на двадцать ходов вперёд. Надо уметь разыграть начало партии — так называемый дебют. А разыгравши дебют, надо уметь провести середину игры — миттельшпиль. А только провёл миттельшпиль, как уже надо думать об эндшпиле — конечной стадии игры. А не успеешь провести эндшпиль, как, глядишь, тебя уже заматовали.

Турнир находится сейчас в миттельшпиле. Самая ответственная стадия. Мы не шахматисты, и мы не можем предвидеть, как он закончится. Но одно мы можем сказать абсолютно твёрдо: звание чемпиона мира достанется сильнейшему. Попробуйте не согласиться с нами!..

Виктор АРДОВ,
Леонид ЛЕНЧ

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д-3-33-47. Прием ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Изд-во «Правда»

Москва.

Изд. № 324.

Подп. к печати 21/IV 1948 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А—02540.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

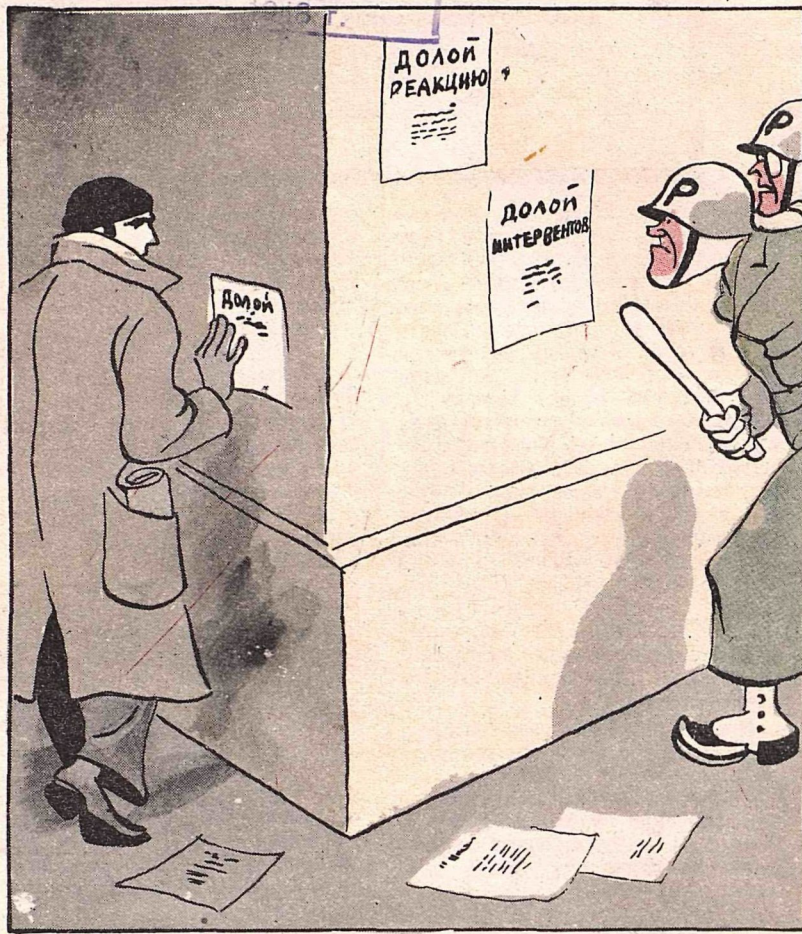
Заказ № 1101.

Тираж 150 000 экз.

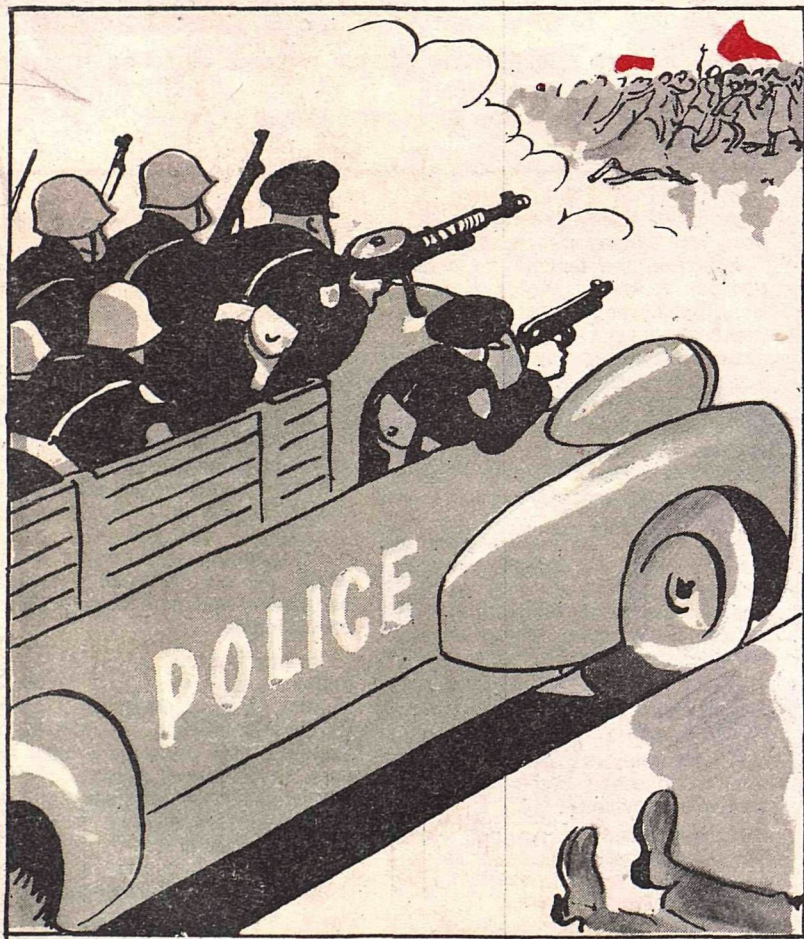
Рис. Бор. ЕФИМОВА

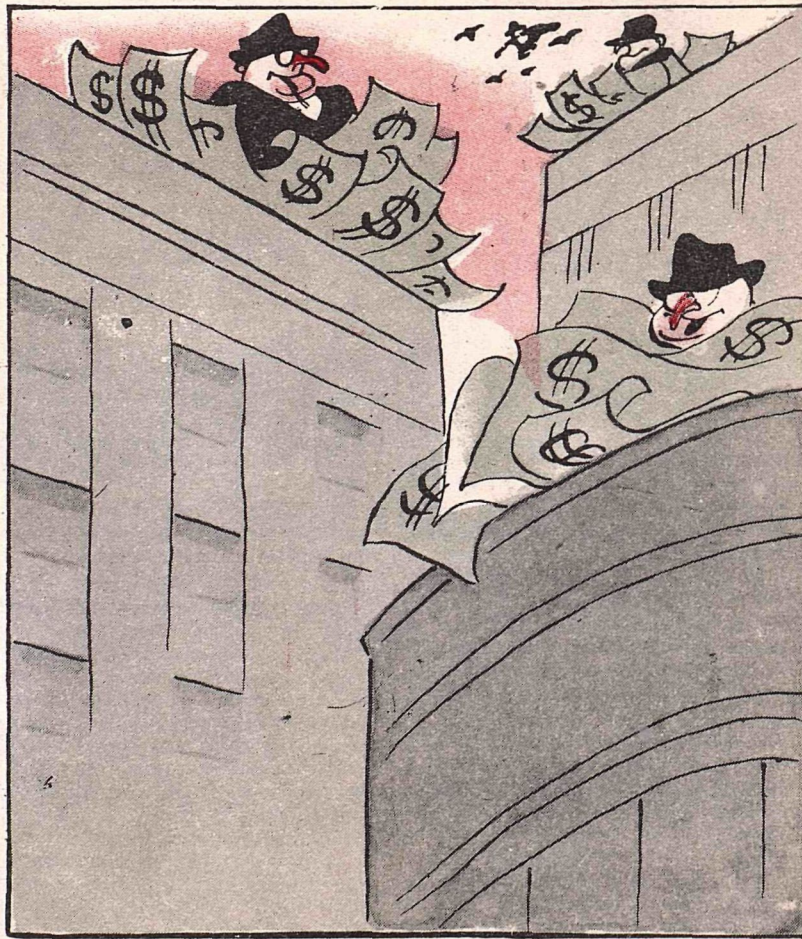
Дни стали заметно длиннее.

Кое-где появились листки.

В разгаре весенняя охота с лягавыми.

Заокеанские птицы выют гнёзда в Европе.